

утвердительном ответе говорят «йо». Начиная от этого языка, то есть от пределов венгров, на восток занял другой все пространство, которое оттуда называется Европой, да заходит еще и дальше. А всю остальную часть Европы занимает третий язык, хотя теперь он и представляется трояким; ибо одни при утвердительном ответе говорят «ок», другие «ойл», третьи «си», а именно испанцы, французы и итальянцы. И явным признаком того, что наречия этих трех народов происходят от одного и того же языка, служит то, что многое в них обозначается одинаковыми словами, как Deus, celum, amor, mare, terra, est, vivit, moritur, amat, и чуть ли не все остальное. Но произносящие «ок» занимают западную часть Южной Европы, начиная от границ гетуэцев. А говорящие «си» занимают восточную – от указанных границ именно до того мыса Италии, которым начинается залив Адриатического моря, и до Сицилии. Говорящие же «ойл» оказываются по отношению к ним северянами. Ибо с востока у них германцы, а с севера и запада они ограничены английским или французским морем и отделены горами Арагона, с юга же замкнуты провансальцами и склоном Пеннинских Альп.

IX.

Нам, однако, следует подвергнуть испытанию высказываемое нами суждение, потому что мы беремся исследовать то, в чем мы не опираемся ни на чье веское мнение, то есть проследить расхождение, происшедшее в изначально едином языке. И ввиду того, что проходить более знакомыми путями надежнее и короче, мы будем исходить лишь из нашего собственного языка, оставив в стороне другие; ибо то, что служит разумной причиной в одном, представляется таковой же и в других. Итак, тот язык, о котором мы собираемся рассуждать, является, как сказано выше, трояким; ибо одни говорят «ок», другие «си», а третьи «ойл». А что это был единый язык в начале смешения (как указано раньше), явствует из того, что мы сходствуем во многих словах, как показывают знатоки красноречия; при этом такое сходство несовместимо с тем смешением, какое обрушилось свыше при Вавилонском столпотворении. Итак, знатоки трех языков сходятся во многих словах, и первым делом в слове «amor» («любовь»). Геральд де Брюнель: «*Sim sentis fezelz amics, / Per ver encusera Amor*». Король Наваррский: «*De fin amor si vient sen et bontu*». Господин Гвидо Гвиницелли: «*Nu fa amor prima che gentil core. / Nu gentil cor, prima che amor, natuga*». Исследуем же, почему, собственно, язык разделился на три и почему любое из этих разделений разделяется и в самом себе, например речь правой части Италии отличается от речи левой, ибо по-иному говорят падуанцы и по-иному пизанцы; и почему даже близкие соседи различаются по речи, например миланцы и веронцы, римляне и флорентийцы, да и сходные по роду и племени, как, например, неаполитанцы и газтанцы, равеннцы и фаэнтинцы и, что еще удивительнее, граждане одного и того же города, как болонцы Предместья Святого Феликса и болонцы с Большой улицы. Причина всей этой разницы в речевых отличиях будет ясна на основании одного и того же рассуждения. Мы ведь утверждаем, что никакое действие не бывает вне зависимости от своей причины, поскольку оно действие, так как никакое действие не возникает из небытия. Следовательно, так как весь наш язык (кроме созданного Богом вместе с созданием первого человека) был переделан по нашему вкусу после того смешения, которое было не чем иным, как забвением первоначального языка, и так как человек существо крайне неустойчивое и переменчивое, то язык не может быть ни долговечным, ни постоянным, подобно остальному, что у нас имеется, например обычаям и одежде; должен изменяться в связи с расстоянием между местностями и течением времени. И не следует, я думаю, не только сомневаться в указанном нами «течении времени», но лучше, мы полагаем, иметь его в виду; ибо стоит нам покопаться в других наших делах, как становится ясно, что мы гораздо больше отличаемся от древнейших наших сограждан, чем от отдаленнейших современников. Поэтому мы смело свидетельствуем, что, если бы теперь воскресли древнейшие жители Павии, они говорили бы с нынешними ее жителями на языке особом и отличном. И пусть не будет то, что мы говорим, более удивительным, чем увидеться с постаревшим юношей, которого мы не видели, как начал он приходить в возраст; ибо постепенного движения мы не замечаем; и чем больше времени требуется, чтобы заметить изменение предмета, тем более постоянным он нам представляется. И потому мы не удивляемся, если люди, по своим суждениям мало отличающиеся от бессловесных животных, считают граждан одного и того же города пользующимися всегда неизменной речью, так как